

Рассвет окрасил небо алым, легкий ветерок едва колыхал воду, заставляя ее искриться. Влажный воздух проникал сквозь щели в обветшалых деревянных рамах, шевеля натянутую росой паутину.

— Линь, ты еще молод, не стоит так предаваться излишествам, — внезапно выпалил Бай Цинсин ранним утром. В его словах слышались то ли вздох, то ли глубокое разочарование.

Любопытные зеваки, собравшиеся было вокруг, вмиг всё поняли и поспешно разошлись.

Линь Чаогэ лишь моргнула:

— Чего?

События прошлой ночи разлетелись с невероятной скоростью. Как говорится, худые вести не лежат на месте, а дурная слава бежит впереди доброй — это было как раз про них.

Даже учитель, обычно кичившийся своей добродетелью и не упускавший случая процитировать мудрецов, пришел в ярость. Столь постыдные слухи, порочащие честь академии, хоть и могли быть ложью, но дыма без огня не бывает. Учитель не смог стерпеть подобного позора.

Сверкая глазами, он заставил их всё утро стоять на руках перед входом, повесив на шею таблички:

— Я, Линь Чаогэ, наказана за то, что самовольно залезла в чужую постель посреди ночи.

— Я, Ван Сифэн, наказан за то, что подрался с тем, кто залез в мою постель посреди ночи.

Во время занятий было еще терпимо, но на переменах ученики, словно зеваки у клетки с обезьянами, обступали их плотным кольцом, тыча пальцами. Однако, опасаясь гнева юного господина Вана, никто не смел подходить ближе чем на пять метров, ограничиваясь шепотком.

Линь Чаогэ, впервые в жизни познавшая, что такое стыд, придвинулась ближе к Ван Сифэну. Они стояли вплотную, расстояние между ними не превышало кулака. Лицо Линь Чаогэ пылало, и она прошептала с искренним раскаянием:

— Господин Ван, простите. Обещаю, больше я не буду забираться к вам в кровать по ночам.

Они находились так близко, что горячее дыхание обжигало лица, придавая ситуации двусмысленный, почти интимный оттенок. Неизвестно, чьи щеки покраснели сильнее и чье сердце забилося чаще.

— Ты еще надеешься на следующий раз? Линь Чаогэ, только попробуй, я тебя достану, — процедил он сквозь зубы, полный ярости.

— Эй, не надо так. Мы теперь в одной лодке, можно сказать, подельники, — Линь Чаогэ попыталась отшутиться, но лишь усугубила положение.

— И чья же это вина? — ядовито бросил Ван Сифэн.

При мысли о том, как ночью под его рукой оказалась нежная, гладкая кожа и мягкое тело, от которого исходил едва уловимый женственный аромат, его передернуло от отвращения.

Мало того что мужчина, а кожа такая нежная, так еще и лицом вышел как девица — тошно смотреть.

Они переговаривались так тихо, что слышать их могли только они двое, но напряжение между ними искрило.

Толпа росла. Солнце поднялось высоко, цикады надрывались в зените. От долгого стояния на руках к лицам прилила кровь, они покраснелись, глаза наполнились слезами, отчего выглядели еще более привлекательно.

— Ох, кузен, как же ты меня разочаровал. Даже не знаю, что я скажу твоему отцу, — Чу Чэнь стоял с синяками под глазами, не сомкнув глаз всю ночь. Он сотни раз прокручивал в голове, как оправдаться за то, что услышал ночью из-за двери. Он не знал, жалеть ли кузена за его невожатанность или скорбеть об утерянном драгоценном масле, которое он хранил в глубине шкапулки.

Больше всего его тревожило, как объяснить дяде, что его сын предпочел мужчину женщине, предавшись страсти, о которой не принято говорить вслух.

Ситуация была хуже некуда.

— Господин Ван, как вы могли так низко пасть? Стыдно читать труды мудрецов! — Лю Баожу размахивал веером, изображая крайнюю степень возмущения и разочарования. Он хлопнул веером с изображением красавиц, прикрывая лицо, и лишь его выразительные глаза выдавали жадное любопытство.

Проходившие мимо соученики лишь качали головами и вздыхали.

— Линь, ну как же так... Что нам теперь о тебе думать? — друзья, с которыми они были близки, смотрели на них со смесью жалости, презрения и отвращения.

— Да хватит вам! Все не так, как вы думаете! Мы чисты перед законом! Я люблю нежных девиц с осиной талией, не верите — спросите у нее! — Ван Сифэн, покраснев от негодования, пнул Линь Чаогэ ногой, не зная, как еще оправдаться.

Любому нормальному парню, который терпеть не может подобные связи, было бы тошно от мысли, что его приписали к любовникам заклятого врага.

— Ох, господин Ван, у меня так болит поясница... — внезапно прошептала Линь Чаогэ.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Слышно было лишь, как ветер шелестит листвой.

Это была последняя капля. Теперь никто уже не сомневался, что слухи имели под собой почву. Даже Чу Чэнь посмотрел на них с понимающей ухмылкой.

С того дня прошло более десяти дней. Линь Чаогэ, решившая теперь вести себя тише воды, ниже травы, жила по расписанию: учеба, уроки, сон. Постепенно та история начала забываться.

Наступила ночь. Небо, черное как смоль, усыпали звезды. Воздух наполнился ночной прохладой и стрекотом сверчков.

Бай Цинсин, нащупав свечу, подошел к шкафу у своей кровати, чтобы достать белье, но, открыв ящик, обнаружил, что тот пуст.

— Линь Чаогэ! — Бай Цинсин сдернул занавеску, его лицо почернело от гнева. — Ты рылась в моих вещах?

Линь Чаогэ, спавшая крепким сном, с трудом разлепила глаза. Она приподнялась на локтях, кутаясь в одеяло, и сонно пробормотала:

— Что случилось?

Бай Цинсин указал на шкаф:

— Где... где моя одежда?

Ему было неловко произносить это вслух, уши его покраснели.

Линь Чаогэ потерла глаза, ее хохолок на голове смешно дернулся:

— А, это... Вечером, когда ты еще не вернулся, я увидела, что там лежат грязные вещи, и постирала их за компанию со своими.

Постирала... за компанию...

— Ты хоть понимаешь, что это было за белье? — Бай Цинсин подскочил к ней, сжимая в руке

полувлажные исподние штаны цвета лунного света.

— Понимаю, — Линь Чаогэ приподнялась, оглядывая его. В свете свечи ее кожа казалась белее снега, губы — алыми, а глаза, подведенные ночной тенью, манили, как у лесного духа. — Ты ведь не собираешься...

Бай Цинсин поспешно прикрылся, пытаясь вернуть себе прежний вид взрослого и рассудительного юноши:

— Бесстыдница!

Линь Чаогэ усмехнулась, пропуская пальцы сквозь распущенные волосы:

— Одежда валялась на полу, я подумала, что ее тоже надо постирать. Кстати, господин Бай, сколько же они у вас лежали? От них уже пахло.

Последнюю фразу она пробормотала почти шепотом. Еще вчера она заметила, что из ящика торчит край белья, и хотела заправить его обратно, но обнаружила, что там целая стопка грязных вещей.

Она тогда чуть не расхохоталась в голос. Кто бы мог подумать, что у этого черного лотоса такие странные привычки.

— Неужели ты не могла просто пройти мимо? Благородный муж не берет чужого без спроса! — Бай Цинсин указал пальцем на край кровати. — К тому же, сегодня был выходной.

Линь Чаогэ приподняла бровь:

— И ты собирался держать их там до следующего выходного?

— Ты что, не могла отнести их домой? — он не мог позволить, чтобы его исподнее увидели при свете дня. К тому же, он обычно носил одноразовое белье, которое сжигал после использования, но в этот раз возникла накладка, и он невольно разозлился на Юаньбао, который уехал в Чанъань по делам.

— Я обычно стираю сама, к тому же у меня нет слуги... — голос ее затих под ледяным взглядом Бай Цинсина. Она поняла, что за эти спокойные дни почти забыла, насколько этот человек может быть жесток.

— В последний раз. И не смей больше трогать мои вещи без разрешения, — отрезал он, глядя на нее с холодным прищуром.

Линь Чаогэ выдохнула с облегчением:

— Хорошо, что я их постирала, а то если бы другие увидели, еще не то напридумывали бы про наши отношения.

Бай Цинсин потянулся к ее одеялу:

— И ты еще смеешь шутить?

Линь Чаогэ, испугавшись, сжалась в комок, спрятавшись под одеялом так, что торчала только макушка.

— Обещаю, больше не буду! Клянусь своей честью!

— Не буди меня утром, мне нужно отлучиться по делам.

Он накинул халат и поспешно вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Линь Чаогэ снова легла, натянув одеяло на голову. В темноте ее длинные ресницы дрогнули. Она уже собиралась заснуть, но вдруг вскочила и посмотрела на песочные часы у изголовья.

Она специально сделала их с очень узким горлышком, чтобы песок высыпался ровно к утру. Сейчас в верхней части оставалось еще немало песка — значит, до рассвета было еще далеко.

Куда же он направился в такую рань?

<http://bllate.org/book/22224/2319214>